

ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
кандидата филологических наук Чжан Линьлинь на тему:
«Математическое мышление как основа мифопоэтики в романах А. Белого
и Е.И. Замятина (“Петербург” и “Мы”»)» по специальности 5.9.1 – «Русская
литература и литературы народов Российской Федерации»

Диссертация Чжан Линьлинь представляет не только интересную, но и *актуальную* проблему взаимодействия художественного и научного мышления в творчестве писателей XX в. В работе на примере анализа двух выдающихся романов первой трети XX в. – «Петербург» А. Белого и «Мы» Е.И. Замятина – показаны художественные возможности математического мышления двух писателей. Выбор произведений обусловлен сходством научного типа мышления авторов, их склонностью к мифопоэтике, интересом к новым формам художественной выразительности, математическим идеям и так называемому «математическому» символизму и др. Научная *новизна* работы, в которой рассматривается преломление математических идей в художественном бытии, несомненна, несмотря на то что уже существуют работы о математическом компоненте в произведениях А. Белого и Е. Замятина.

Структура диссертации отражает ее концепцию. В первой главе рассматриваются теоретические и исторические аспекты математического мышления писателей и их роль в мифопоэтике романов А. Белого «Петербург» и Е. Замятина «Мы». Взаимодействие науки и литературы берет свое начало в культуре Серебряного века. Кризис рубежа XIX–XX вв. способствовал обращению научной мысли к сферам, находящимся за пределами реальности (в частности, решением подобных вопросов занималась Московская математическая школа во главе с отцом А. Белого – Николаем Васильевичем Бугаевым). Будучи знаком с этими идеями, А. Белый считал, что существует понятие «духовной науки», познать которую он стремился в том числе с помощью научных методов.

В книге Флоренского «Мнимости в геометрии» осмысливается проблема сдвига (или разлома) в пространстве, что способствовало пересмотру

соотношения реального и ирреального, феноменального и ноуменального. Источник этих идей – лекции Н. Бугаева, свое художественное воплощение они получили в творчестве Белого и Замятина. Последний не был знаком с книгой Флоренского во времена работы над романом «Мы», но, как убедительно доказывает Чжан Линьлинь, анализируя текст произведения, эти идеи были восприняты писателем опосредованно, через роман Белого «Петербург».

Идеи монады, прерывности (или аритмологии) нашли отражение в отказе Белого от временной структуры традиционного романа, обращении к новой пространственной форме, стремлении сжимать и расширять временные границы и изображать множественные пространства Петербурга.

Отмечено влияние творчества Ф.М. Достоевского на обоих писателей. Искривление пространства, его искажение влияют на природу вещи и течение времени, а также на нравственность человека. Подобная связь математики и морали в текстах писателя XIX в. связывается с его образованием инженера. Петербург Белого включает в себя множество подпространств, в том числе пространство «мозговой игры»; Замятин же придает миру умыслов, воображения статус реальности. Таким образом, открытия Достоевского оказали влияние на мифопоэтику писателей наравне с аритмологией Н. Бугаева. Важна и мысль (научно доказанная) о сосуществовании реального и мнимого миров. Несводимость поступков к единому «знаменателю» предопределена самой человеческой природой: «Сама “неопределенность” реальности в их романах – в том числе реальности психологической, постоянные сомнения героев в себе, и, как следствие “эпистемологическая неуверенность” автора и читателя – все это во многом имеет “математическое обоснование”» (С. 36–37).

Оба романа, по мнению Чжан Линьлинь, объединяет образ солнца как символ состояния мира и человека. В романе «Петербург» оно становится символом тех изменений, которые произошли в душах героев из-за революции. Делается предположение, что образ солнца-шара как квинтэссенции психологических страданий перешел и в роман Замятина.

Чжан Линьлинь использует понятия «ризома», «ризоматическое мышление» для описания способа организации текста как игры с устоявшейся структурой. Белый застал Петербург в атмосфере революционных дней, т.е. в момент обнажения категории прерывности. В романе Замятина, сюжет которого обращен к будущему, поэтика петербургского текста присутствует имманентно.

Диссертантка приходит к выводу о том, что связь Петербурга с математикой и мифотворчеством заложена в самой призрачной природе этого города. Ризомное мышление в «Петербурге» связано с мифом об основании города и петербургской революцией 1905 г.

И «Петербург», и «Мы» вписаны в традицию петербургского текста русской литературы. Авторы, расшифровывая и снова шифруя его, воссоздают в тексте его константные черты. Оба писателя переосмысливают традиции пушкинского «Медного всадника». Белый, давая эпиграф к роману из поэмы, создает «петербургский миф» в миниатюре. В соответствии с законами ризомного мышления автор воссоздает конфликт, положенный в основу пушкинской поэмы. При этом Петербург – это не только порождение Петра I, но и зримое воплощение «мозговой игры» сенатора Аблеухова. Белый, обновляя петербургский текст, показал символистский смысл революции, «ризомное» создание «Медного всадника» позволяет ему переосмыслить миф и историю Петербурга как динамического пространства. Как отмечает Чжан Линьлинь, «“вольное” обращение с первоисточником <...> можно объяснить математической “привычкой”: “формулы” дают рождение уравнениям, а те, в свою очередь, дают возможность “решать” задачи» (С. 44). В обоих романах «Медный всадник» является «претекстом», но писатели обращаются с ним довольно свободно, однако сохраняются весь комплекс его идей и мотивов: революция, власть, личность. А «сама тема бунта, порожденного сознанием “маленького человека” (“нумера”), задана именно пушкинской поэмой, которая в романах двух авторов “пропущена” сквозь призму не только литературы, философии, но и математических (и базирующихся на них естественно-научных) концепций и идей» (С. 53).

Замятин сделал внешнее пространство проекцией внутренних психологических процессов персонажей. В своей статье «О литературе, революции, энтропии и о прочем» он осмысляет законы жизни и искусства и художественно воплощает эти идеи в романе «Мы». При создании образа Единого Государства писатель опирается на образ «хрустального дворца» Достоевского, что связано с представлением о мире, построенном на математическом расчете.

Вторая глава посвящена комплексу вопросов, связанных с анализом «математического» кода в романе А. Белого «Петербург». Чжан Линьлинь подробно и глубоко анализирует «математическую» мифопоэтику романа, рассматривая функциональность *заглавий*, математику как организующее начало *системы персонажей* и как особый *прием психологизма*, связь *математики и музыки, ритма, живописи*. В романе «Петербург» отразилось авторское предчувствие грядущих катаклизмов (революционных потрясений). Проецируя современные события на архетипические сюжеты, Белый раскрывает свою концепцию России и революции, опираясь на достижения научной мысли. Символически насыщено уже само название романа, выбранное Белым по совету Вяч. Иванова.

Как пишет Чжан Линьлинь, принцип бинарных оппозиций в романе уже достаточно исследован, но за пределами внимания все еще остается математическая основа системы персонажей.

Диссертантка выявляет связь «пространство – тело – психологизм». Белый изображает воображаемую жизнь не только через символическое пространство Петербурга, но и с помощью описания физических ощущений героев. Понятия «пространство» и «тело» применимы как к героям, так и к городу. Они обретают математическое (геометрическое) значение: человек – объект, находящийся в реальном пространстве. Кроме того, это и особое средство психологизма: внутреннее смятение и страх Аполлона Аполлоновича проявляется с помощью описания его телесных ощущений. Интересно сопоставление телесных

ощущений героев с реальным опытом А. Белого (его восхождение на пирамиду Хеопса).

С юности А. Белый стремился применить научные методы для изучения искусства («Ритм как диалектика и “Медный Всадник”», 1929) и выразил свое понимание духовного единства мира в своеобразной музыкальной форме «Симфонии». Ритм в творчестве Белого – особая качественная и количественная категория, которую писатель расширяет до уровня культурно-философского смысла.

Ключевую роль в романе играет музыка, которая выступает как средство психологического анализа, музыкальные принципы положены и в основу композиции романа. Музыка разрушает пространственно-временной план бытия, открывая для сознания героя новую перспективу. Математика выступает как один из ведущих принципов организации акустических образов в романе «Петербург». Родство математики и музыки идет еще от пифагорейцев («Уже пифагорейцы обнаружили родство математики и музыки», С. 81), роман воплощает в себе музыку Вселенной и музыку истории. Белый создает полифоническую картину звучащего мира.

Интересен анализ связи звука У и содержания. Белый как символист считал, что звук оказывает преобразующее воздействие на мир. Он объединяет название романа «Петербург» и имя главного героя Аблеухова, которое помимо этого включает аллитерацию (Аполлон Аполлонович) и повторение имени (что связывается с традициями Гоголя – Акакий Акакиевич). В имени главного героя совмещаются традиции античного бога солнца, Ф. Ницше и Вяч. Иванова, который раскрывает сущность Аполлона и Диониса на языке чисел (монаде, единству Аполлона противостоит диада Диониса). Чередование двух начал – Аполлона и Диониса – является движущей силой истории: «Подобную закономерность выявляет и Замятин, апеллирующий к математике, доказывающей, что в мире нет ничего постоянного, неизменного, окончательного» (С. 53). Замятин переносит законы математики (в частности термодинамики) в социальную сферу.

Математический инструментарий переходит в метафоры: Петербург – «математическая точка». Мифопоэтика романа связывается с идеями пифагорейцев, Декарта, а также философией Лосева. Математическая поэтика находит отражение и в композиции романа (8 глав, 124 субглавки).

Особенно интересен параграф «Пространственные символы “Острова мертвых” А. Бёклина в романе “Петербург” А. Белого», в котором прослежена связь математики и *живописи*. Чжан Линьлинь убедительно доказывает присутствие пространственных символов картины «Остров мертвых» (1833) А. Бёклина в романе Белого «Петербург» и приходит к выводу о том, что и в картине, и в романе показан мир, в котором соприкасаются жизнь и смерть.

В последней главе внимание уделяется математическому «диалогу» А. Белого и Е. Замятина. Главным фактором, объединяющим два романа, становится идея мнимого пространства. Чжан Линьлинь рассматривает трансформацию образа Петербурга из романа А. Белого в образ Единого Государства Е. Замятина. Анализируя роман «Мы» Замятина, Чжан Линьлинь выявляет, что Древний Дом расположен в начале координат (0,0) и представляет собой место, включающее реальную и мнимую плоскость. Именно здесь Д-503 сталкивается с «изнанкой» мира, вследствие чего его тело и психологическое состояние сильно изменяются. Древний Дом в романе предстает как искривленное пространство, «двойная плоскость», о которой писал Флоренский. Проанализированы разные варианты границы между мирами: «переход» символизируют шкаф, лестница, ступень, коридоры и др. Замятин, как и Белый в романе «Петербург», соотносит математику с телесными ощущениями, благодаря этому обнаруживается типологическое сходство романов «Петербург» и «Мы» с «Алисой в стране чудес» Льюиса Кэрролла. Логично обращение в контексте анализа романов Белого и Замятина к мифоматематике английского писателя, так как герои всех трех произведений переживают переход из реального пространства в мнимое. Представляется важным для более полного раскрытия «математического» кода романа привлечь к анализу работу Н. Струве «Символика чисел в романе Е. Замятина “Мы”».

Итак, математика в обоих романах становится основой мировидения, познания мира, саморефлексии. Через связь мифа и математики Белый и Замятин выражают свое представление о мироустройстве.

Хочется подчеркнуть, что, являясь *литературоведческой* по своей сути, работа в некоторых аспектах расширяет свой диапазон и приобретает междисциплинарный характер, обращаясь к сфере науки (в частности, математики) и философии, поэтому может быть интересна и полезна не только теоретикам и историкам литературы. Диссертантка привлекает работы П. Флоренского («Мнимости в геометрии», «Трансформация Космоса: от Данте – или к иконе или к атомной бомбе»), А. Лосева («Диалектика мифа»), Н.В. Бугаева («Основные начала эволюционной монадологии») и др.

Большого уважения заслуживает теоретическая и методологическая база, а также библиография диссертации (включающая 186 позиций), что является гарантом высокой степени обоснованности научных положений, выносимых на защиту. Несомненно, сильной стороной диссертации является привлечение большого количества зарубежных исследований (Л.Б. Кук, А. Ковак, Дж. Франк и др.). Отметим высокое владение диссертантки русским языком, понимание развития литературного процесса XX в., а также знакомство с трудами преподавателей кафедры (М.М. Голубкова, Н.З. Кольцовой, Н.М. Солнцевой, Л.А. Колобаевой), которые определили научную основу исследования.

Заключение диссертации содержит ключевые выводы, достоверно аргументированные в ходе анализа произведений и полностью подтверждающие положения, выносимые на защиту.

Интересно положение Бугаева об эволюции монад «как живых единиц», обобщающих «видимую и невидимую реальность» (С. 31), а также его теория прерывности в развитии общества, или аритмология. Эти знания полностью изменили представление о природе, человеке и обществе в целом, которые «относительны, фрагментированы и постоянно меняются» (С. 32). Именно теория прерывности определяет устройство мироздания и мировоззрение. Эти поиски оказали влияние на художественное творчество Д. Мережковского, А.

Белого, Е. Замятина, В. Хлебникова, а также на философию П. Флоренского. При рассмотрении теории монад было бы интересно и, как мне кажется, продуктивно для расширения контекста привлечь идеи не только Мережковского, Белого, Хлебникова, но и теорию «прерывности» времени С.Д. Кржижановского (например, в его рассказе «Собиратель щелей»), для которого важно соотношение науки и литературы, а также к эзотерические учения. Синтез научного, мистического, художественного характерен для обоих писателей. Это могло бы стать темой для дальнейших исследований.

Параграф «К вопросу о связи аудиального и математического начал в романе А. Белого “Петербург”» можно было бы, как мне кажется, удачно дополнить тезисами из статьи Белого «Магия слов», в которой он пишет о связи звука и слова, а также говорит о математической составляющей («Всякая наука, если она не откровенно математика и если она не откровенно терминология, ведет нас к обману вырождению, лжи»). Интересно было бы сравнить ритм в «Петербурге» с ритмизированной поэмой «Глоссалалия».

Кроме того, представляется возможность рассмотреть развитие традиций математического мышления в литературе в творчестве писателей последующих эпох. Например, в романе «Мнимые величины» Н.В. Нарокова, который также преподавал математику и ориентировался на опыт Ф.М. Достоевского. Искажение пространства в романе распространяется не только на город, но и на весь мир. Однако связь математических величин и нравственности человека для писателя очевидно. Было бы интересно узнать, мог ли Н.В. Нароков опираться на традиции Белого, а также идеи П. Флоренского, в частности из его работы «Мнимости в геометрии». Анализ этого произведения мог бы также подтвердить тезис Чжан Линьлинь о тесной связи нравственности человека и онтологического состояния мира.

Как и любое большое исследование, работа Чжан Линьлинь не лишена некоторого количества опечаток, погрешностей в оформлении (например, «трехмерном мире, выстроенному вдоль временной стрелы» (С. 36), «Пушкин описывает “кумир”» (С. 44), «Белый уникальную прозорливость» (С. 47) –

вероятно, не хватает слова «проявил», «замкнутый на себя» (С.. 73), «Л.А. Коробаева» (С. 140) и др.), но они никак не затрудняют восприятие текста.

Вместе с тем, указанные замечания ни в какой мере не умаляют значимости работы, являющейся *самостоятельным, оригинальным, теоретически значимым исследованием, открывающим новые пути изучения* творчества как А. Белого и Е.И. Замятина, так и мифопоэтики и синтеза искусства и науки начала XX в. в их связях с предшествующей литературной традицией.

Результаты диссертационного исследования имеют не только теоретическую, но и *практическую* значимость и могут быть использованы при составлении программы лекционных курсов по истории русской литературы первой половины XX в.

Автореферат и публикации в полной мере отражают основные положения и выводы диссертационного исследования.

Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, Чжан Линьлинь заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации».

Официальный оппонент:

Кандидат филологических наук,

старший научный сотрудник Отдела новейшей

русской литературы и литературы русского зарубежья

ФГБУН Институт мировой литературы им. А.М. Горького

Российской академии наук
Апалькова Елизавета Сергеевна _____

Дата подписания: 1 июня 2024 г.

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена
диссертация: 5.9.1 – «Русская литература и литературы народов Российской
Федерации»

Адрес места работы: 121069, г. Москва, ул. Поварская, 25а, стр. 1, ИМЛИ
РАН

Тел.: рабочий телефон: (495) 697-13-87, e-mail: адрес официальной почты:
info@imli.ru